

RU

Большой потенциал маленького стихотворения И. Бродского
(«Еврейское кладбище около Ленинграда...»)

Богданова О. В., Баранова Т. Н.

Аннотация. Статья посвящена анализу стихотворения И. Бродского «Еврейское кладбище около Ленинграда...» (1958), хорошо известного, но прежде мало подвергавшегося детальному филологическому анализу. Исследование предпринято с целью выявить особенности мировоззренческой позиции лирического героя стихотворения и проследить универсальные интенции в трактовке темы народа, предлагаемые поэтом, осмыслить роль национальной темы в формировании поэтического мира как раннего, так и позднего Бродского. Авторы работы эксплицируют интертекстуальные подтексты в стихотворении «Еврейское кладбище около Ленинграда...» и выявляют константы особого – «бродского» – мировосприятия. Показано, что семантическое наполнение поэтического повествования в «Еврейском кладбище...» приподнимается над личными воспоминаниями лирического героя (alter ego автора) и оказывается обращенным не столько к национальным константам трагической судьбы еврейского народа, сколько к судьбам и истории всего человечества. Национальное подчиняется универсальному, субъективное и частное – объективному и общему. Научная новизна исследования состоит в том, что в нем впервые акцентированы национальные аспекты темы народа, прослежены условия возникновения сквозных для Бродского мотивов смерти, времени, бессмертия. В результате показано, что импульс философического настроения лирического героя в раннем анализируемом стихотворении соотносим с глубоким постижением философских проблем более поздних произведений поэта, репрезентированных им в идиожанре так называемых «больших стихотворений».

EN

The great potential of a small poem by J. Brodsky
(“The Jewish cemetery near Leningrad...”)

Bogdanova O. V., Baranova T. N.

Abstract. The article is devoted to the analysis of J. Brodsky’s poem “The Jewish cemetery near Leningrad...” (1958), well-known, but previously little subjected to detailed philological analysis. The research is undertaken in order to identify the features of the ideological position of the poem’s persona and to trace the universal intentions in the interpretation of the theme of the people proposed by the poet, to comprehend the role of the national theme in the formation of the poetic world of both early and late Brodsky. The researchers explicate intertextual subtexts in the poem “The Jewish cemetery near Leningrad...” and identify constants of a special – “Brodskian” – worldview. It is shown that the semantic content of the poetic narrative in “The Jewish cemetery...” rises above the personal memories of the persona (the author’s alter ego) and turns out to be addressed not so much to the national constants of the tragic fate of the Jewish people, as to the fate and history of all mankind. The national is subordinated to the universal, the subjective and the particular is subordinated to the objective and the general. The research is novel in that it is the first to emphasize the national aspects of the theme of the people, to trace the conditions for the emergence of the motifs of death, time and immortality that are recurrent for Brodsky. As a result, it has been shown that the impulse of the persona’s philosophical mood in the early analyzed poem is correlated with a deep comprehension of the philosophical problems of the poet’s later works, represented by him in the individual style of the so-called “big poems”.

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что хотя стихотворение И. Бродского «Еврейское кладбище около Ленинграда...» (1958) и становилось предметом редких критических исследований, но интерпретация

его была в значительной мере произвольной, довольно далекой от внутренних интенций талантливого молодого поэта. Прежде стихотворение «Еврейское кладбище около Ленинграда...» рассматривалось в аспекте собственно еврейской темы, но в более широком плане проблема в связи с текстом стихотворения не ставилась.

Для осмысления особенностей поэтологического уровня стихотворения и выявления мировоззренческой позиции автора необходимо решить следующие задачи: во-первых, обратиться к историко-культурной ситуации, в рамках которой было создано стихотворение И. Бродского, и рассмотреть, как внешние жизненные факторы повлияли на творческий замысел художника. Во-вторых, выявить поэтологические особенности стихотворного текста, определить его образно-семантическое поле, наметить мотивно-образные доминанты. В-третьих, рассмотреть интертекстуальные переключки, эксплицированные в тексте, и квалифицировать их влияние на смысловые константы данного стихотворения и их развитие в более позднем творчестве.

Для осуществления поставленных задач используются следующие методы исследования: историко-литературный, типологический и поэтологический в их единстве и дополнительности. Комплексный подход, предложенный в статье, позволяет открыть новые грани творческого своеобразия поэтического мира И. Бродского.

Материалом исследования послужили поэтическое творчество И. Бродского, в частности его стихотворение «Еврейское кладбище около Ленинграда...» (1958) (Бродский И. Сочинения Иосифа Бродского: в 5-ти т. СПб.: Пушкинский фонд, 1998. Т. 1), а также интервью поэта и воспоминания его друзей, собранные В. Полухиной (Иосиф Бродский. Большая книга интервью / сост. В. Полухина. М.: Захаров, 2000; Бродский глазами современников: в 2-х кн. / сост. В. П. Полухина. СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2006. Кн. 1-2), в публикациях знакомых Бродского (Маркиш Ш. «Иудей и еллин»? «Ни иудей, ни еллин»? О религиозности Иосифа Бродского // Иосиф Бродский: труды и дни / сост. Л. Лосев и П. Вайль. М.: Независимая газета, 1999). В качестве материала привлекаются также тексты стихотворений Б. Слуцкого «Про евреев» (Строфы века. Антология русской поэзии / сост. Е. Евтушенко. Мн. – М.: Полифакт, 1995), Г. Лонгфелло «Еврейское кладбище в Нью-Йорке» (Лонгфелло Г. Избранное. М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1958), А. Ахматовой «Родная земля» (Ахматова А. Собрание сочинений: в 6-ти т. М.: Эллис Лак, 1999. Т. 2. Кн. 2).

Теоретической базой работы послужили труды по истории современной русской литературы и вопросам своеобразия поэтического текста И. Бродского (Гордин, 2010; Лосев, 2008; Полухина, 2008; Куллэ, 1996; Плеханова, 2002; Богданова, Власова, 2022; Богданова, Баранова, 2023; Степанов, 2022; Федотов, 2022; Чевтаев, 2006; Азаренков, 2017; Соколов, 2014; Бар-Селла, 1985; Könönen, 2003).

Практическая значимость исследования состоит в том, что его аналитические суждения, текстологические наблюдения, результаты и выводы могут быть использованы при дальнейшем научном изучении современной русской литературы и поэтического наследия И. Бродского, могут быть включены в общие и специальные курсы по истории русской литературы XX века в вузовском и школьном преподавании.

Обсуждение и результаты

Историко-культурные ракурсы стихотворения «Еврейское кладбище около Ленинграда...»

Стихотворение Иосифа Бродского «Еврейское кладбище около Ленинграда...» (1958) относится к самым ранним текстам поэта, к тем, которые, по указанию автора, не включались или весьма редко включались в издаваемые прижизненные сборники или собрания сочинений.

Соответственно, и к анализу стихотворения «Еврейское кладбище около Ленинграда...» исследователи обращались крайне редко, считая текст только «вектором эволюции молодого поэта», тем стихотворением, которое «перестанет быть репрезентативным для нового стиля и новой идентичности» (Соколов, 2014) (выделено нами. – О. Б., Т. Б.). Так, К. С. Соколов (2014) рассматривает «Еврейское кладбище...» в качестве своеобразного «инициационного текста», текста поэтической «(само)идентификации», хотя и признает, что стихотворение, подобно «Большой элегии Джону Донну» или «Стихам на смерть Т. С. Элиота», могло (бы) «определить вектор развития поэта и модель восприятия его поэзии». Последнее, на наш взгляд, особенно важно: по прошествии времени можно с уверенностью констатировать, что «Еврейское кладбище около Ленинграда...» действительно оказалось в числе самых известных и любимых стихотворений Бродского, и при объективном взгляде оно не столько эксплицирует приметы «ранней» поэзии, сколько «вопреки» времени создания обязывает числить его среди лучших стихов поэта – в контексте ранних оказываясь вровень с «Пилигримами» и «Стансами» («Ни страны, ни погоста...»), в контексте поздних – обретая статус своеобразного *автопретекста*, который напрямую связан с последующим зрелым творчеством поэта и который проявляет его намечающиеся поэтологические черты.

Интертекстуальные пласты стихотворения

В обращении к поэзии И. Бродского (особенно если речь заходит о раннем периоде творчества) исследователи, как правило, прежде всего направляют свои усилия на поиск истоков того или иного стихотворения, называют те имена и претексты, которые могли послужить толчком к поэтическому вдохновению молодого поэта. Так, в случае с «Еврейским кладбищем...» одним из первых текстов, который критики привлекают для сопоставления, избрано стихотворение Б. Слуцкого «Про евреев» (Горелик, 2009), хотя у Б. Слуцкого достаточно и других поэтических и прозаических текстов, связанных со сходной проблематикой (Строфы века..., 1995). Особенно активно настаивает на указанном интертекстуальном диалоге израильский публицист З. Бар-Селла (урожд. В. Н. Назаров) (1985, с. 203-204), усматривающий в тексте раннего Бродского интерес к «национальной специфике» и настаивающий на особом внимании поэта к еврейской теме.

Между тем обращение к стихам Б. Слуцкого «Про евреев», действительно во времена юности Бродского ходившим в «самиздате», обнаруживает совершенно различные стратегии поэтов: не пересекаются не только тональность или стилистика повествования, но и характер осмысления темы – ироико-саркастическая острота Слуцкого категорически не востребована Бродским, горькие эмоции одного не находят отклика у другого. Собственно национальная тема Слуцкого у Бродского обретает черты наднациональной.

На наш взгляд, в этом плане более убедительно звучит суждение переводчика и литературоведа, друга Бродского С. Маркиша, который утверждает: «Смею полагать, что в этой уникальной поэтической личности еврейской грани не было вовсе. Еврейской темы, еврейского “материала” поэт Иосиф Бродский не знает – этот “материал” ему чужой» (1999, с. 209). Правда, и С. Маркиш считает, что «юношеское, почти детское “Еврейское кладбище около Ленинграда”... – не в счет: по всем показателям это *еще не Бродский*, это как бы Борис Слуцкий, которого из поэтической родословной Бродского не выбросить... обаяния “еврейского Слуцкого” Бродский не избежал, но только на миг, на разочек» (1999, с. 209) (выделено нами. – О. Б., Т. Б.). Вновь озвучивается ракурс зависимости начинающего – *детского* – Бродского от Б. Слуцкого. И в этом есть определенный резон: как известно, Б. Слуцкий действительно был избран Бродским в качестве того поэта, к кому он специально поехал в Москву, чтобы показать свои первые стихи.

Другой поэтический претекст предлагает рассмотреть К. С. Соколов. «Кладбищенскую тему» Бродского (так ее определяет исследователь) он выводит из «Еврейского кладбища в Ньюпорте» Г. Лонгфелло (1958, с. 273-274) в переводе Э. Линецкой. К. С. Соколов (2014) напоминает о «культурном контексте 1957-58 годов», указывает на «знакомство поэта с этой книгой» и на «очевидное сходство названий стихотворений Бродского и Лонгфелло». На взгляд исследователя, Бродский «переносит символику новоанглийской кладбищенской элегии на русскую почву, принимая американскую историософию за онтологически более глубокий, чем у Слуцкого, вариант развития общей темы» (Соколов, 2014). Аргументы К. С. Соколова выглядят вполне убедительными, и переклички кажутся узнаваемыми. Однако непосредственное обращение к тексту стихотворения Лонгфелло обнаруживает, что у американского поэта вновь подчеркнута сильные национальные мотивы и даже социальные аспекты еврейской темы: это и «гнев Моисея», и «зловонные улочки» «угрюмого гетто», и «жизнейское дно», и «хлеб изгнания», и «христианские ноги», топтавшие гонимых евреев, и проч. Однако ни подобных мотивов, ни образов, ни настроения в тексте Бродского нет. Вывод исследователя о будто бы найденном Бродским в *детском* «Еврейском кладбище...» способе «поэтической самоидентификации через тему собственной смерти» (Соколов, 2014) несколько поспешен – этот мотив действительно найдет воплощение в «Стансах», «Стансах городу» и «Бессмертия у смерти не прошу...» (и др.), но произойдет это несколькими годами позже.

Еще один ракурс анализа «Еврейского кладбища около Ленинграда...» предложила финская исследовательница М. Кёнёнён, которая рассматривает стихотворение Бродского в рамках концептологии «петербургского текста» (Кёнёнён, 2003, р. 45-56). Между тем «петербургский текст», как известно, обладает рядом особых конститутивных признаков (Топоров, 2003) – одного названия топоса или упоминания города (редкий для Бродского случай – Ленинграда) вряд ли достаточно для квалификации текста как «петербургского», что, однако, не мешает постановке проблемы в более широком ракурсе – рассмотрению петербургской *темы* в «Еврейском кладбище...», хотя на нее, по нашим представлениям, Бродский в данном случае не ориентировался.

Как бы то ни было, примечательно, что исследователи непременно пытаются вывести интенции Бродского из предшествующей литературной традиции, связать с текстами предшественников, обращенными к более или менее близкой поэту тематике. Между тем сам Бродский объясняет причину, побудившую его к созданию «Еврейского кладбища...», исходя «из себя», из собственных впечатлений и размышлений. По словам Бродского, «это кладбище... в общем, это место довольно трагическое, оно впечатлило меня, и я написал стихотворение... Не помню особых причин, просто на этом кладбище похоронены мои бабушка с дедушкой, мои тетки и т. д. Помню, я гулял там и размышлял – в основном об их судьбе в контексте того, как и где они жили и умерли» (Иосиф Бродский..., 2000, с. 528). Бродскому не нужны были «особые причины» – интенцию породил его непосредственный опыт, его собственные размышления, причем совсем не детские и много более емкие, чем только еврейские.

«Еврейское кладбище около Ленинграда...» как раннее «большое стихотворение» И. Бродского

Если, с точки зрения К. С. Соколова (2014), «стихотворение о еврейском кладбище около Ленинграда перестанет быть репрезентативным для нового стиля и новой идентичности» зрелого Бродского, то, на наш взгляд, дело обстоит иначе.

В нашем представлении, «Еврейское кладбище около Ленинграда...», несмотря на то, что оно было одним из самых ранних стихотворений поэта (напомним, 1958 год), эксплицировало совокупность тех конститутивных черт более поздней лирики Бродского, которые позволяют считать стихотворение ранним только по времени создания, но не по смысловому этико-эстетическому потенциалу. И в плане формы, и в плане содержания «Еврейское кладбище...» демонстрирует те поэтологически *бродские* черты и признаки, по которым квалифицируются наиболее репрезентативные тексты Бродского – его так называемые «большие стихотворения» (Азаренков, 2017).

С одной стороны, самый поверхностный признак так называемых «больших стихотворений» – объем – не работает в «Еврейском кладбище...», оно включает в себя только 32 строки, тогда как общепризнанной мерой – среди специалистов – принято считать 44 или 48 строк (Богданова, Баранова, 2023, с. 33-44). Между тем, если отвлечься от арифметики и углубиться в текст, то становится очевидным, что стихотворение Бродского вбирает в себя объем мысли много больший, чем на 44-48 строк, – это разговор о судьбе родных, о том, «как и где они жили и умерли», о судьбе его народа («об их судьбе»).

Напомним, что бродсковеды считают признаком «взросления» Бродского его отказ от ритмо-рифмической организации стиха (в том числе от классических катренов) и переход к так называемому «вольному» или акцентному стиху (Азаренков, 2017; Чевтаев, 2006; Федотов, 2022; Степанов, 2022). Однако одно из самых ранних стихотворений «Еврейское кладбище...» написано не строго организованными классическими строфами, а рифмически свободно – структурировано в виде четырех разноколичественных строф (4 + 8 + 16 + 4) с акцентным разноударным и разностопным (2-6) стихом.

В результате на передний план стилевой организации «Еврейского кладбища...» выходит признак прозаичности поэтического текста – если расположить текст не построчно, стихотворение воспринимается ритмически организованной прозой, утрачивает «внешние», в том числе интонационные признаки стиховой упорядоченности: «Еврейское кладбище около Ленинграда. Кривой забор из гнилой фанеры. За кривым забором лежат рядом юристы, торговцы, музыканты, революционеры» (Бродский, 1998, с. 20). Краткие номинативные, а позже и отчетливо парцеллированные предложения порождают интонацию рассказа, неспешного эпизированного повествования о кладбище под Ленинградом.

Образы лирического героя и народа в «Еврейском кладбище...»

«Разрушение» ритмо-рифмической организации текста приводит к подавлению и снижению привычной легкости лирического стиха и «утяжелению» повествовательного изложения – огласовке не-легких мыслей о смерти, посетивших *лирического* героя среди могил близких и далеких. При этом и сам образ лирического героя фактически нивелирован, растушеван – он анонимен, его объективно нет, повествование ведется без актуализации лица и форм изложения лирического персонажа, в привычной эпосу объективно прозаизированной форме – повествование от 3 лица, отчасти даже в форме «безличности». Фактически стих демонстрирует характер короткого новеллистического рассказа, объективной зарисовки-размышления, лишенной видимых примет поэтической изысканности и упорядоченности.

Предметом размышлений героя-повествователя, как ясно из текста, становится судьба народа – еврейского народа, евреев, нашедших у(с)покое на еврейском кладбище в четырех километрах от Ленинграда. На еврейское кладбище, по словам Бродского, его привели частные причины – могилы родных, бабушки и дедушки, теток. (NB. На могиле родителей Бродского сохранились таблички «Израиль Яковлевич (1908), Рахиль Иосифовна (1936) Бродские». Запись позволяет предположить, что Иосифом будущий поэт был назван не в честь Сталина («официальная» версия), но в память о прадеде по отцу.) Однако семантическое наполнение стихотворения поднимается над личными воспоминаниями и оказывается обращенным к общенациональным универсалиям – не я, не дед и бабушка, но народ, *они*.

Для себя пели.
 Для себя копили.
 Для других умирали.
 Но сначала платили налоги,
 уважали пристава,
 и в этом мире, безвыходно материальном,
 толковали Талмуд,
 оставаясь идеалистами (Бродский, 1998, с. 20).

Чередование коротких парцеллированных предложений с длинным многострочным (на 5 строк) предложением уводит повествование от поэтической стилистики традиционно относительно равных синтагм-строк, но приближает изложение к нарративным практикам прозы.

На фоне установленных исследователями литературных претекстов обращает на себя внимание, что Бродский, размышляя о судьбе народа, ни разу не использует лексику, интонацию или реалии, о которых заходит речь у Слуцкого или Лонгфелло. Бродский даже намеком не напоминает о преследованиях еврейского народа и о еврейских гетто (Лонгфелло), у него нет воспоминаний об унижениях или публичных оскорблениях евреев (Слуцкий), он не восстанавливает знакомых даже ему самому по школьным годам обращений «жид» (Иосиф Бродский..., 2000, с. 123) или чего-либо подобного. Создается впечатление, что Бродский снижает степень экспонирования особых и специфических деталей, но тяготеет к универсалиям. Мир его народа складывается из бинарных оппозиций общемирового масштаба: копили (т. е. жили) ↔ умирали, больше ↔ слепо, терпимы ↔ упорны, не помня ↔ не забывая, материальное ↔ идеальное.

Приметы национального быта (в итоге – бытия) евреев различимы в тексте Бродского. Тяжелая голодная жизнь: *кривой забор, гнилая фанера, голодные старики, высокие голоса*. Каждый из выделенных эпитетов нейтрален, но в единой контекстно-ассоциативной цепочке они намечают контуры узнаваемых картин жизни гонимых, разбросанных по миру евреев. Упоминается *Талмуд*. Профессиональная принадлежность персонажей «национально» локализована – *юристы, торговцы, музыканты, революционеры*. Привлекает внимание нумерология – 4 (в том числе 4 км от Ленинграда). Срабатывает прием амплификации: дважды и утрированно повторена мысль о запрете владеть землей и сеять хлеб («...не сеяли хлеба. Никогда не сеяли хлеба»). Однако все это и даже последний исторически известный (ф)акт остаются без аксиологической реакции, без эксплицированной оценочности (кроме осязательного сочувствия и сопереживания, в том числе через семантическую омонимию: *засыпали* («навек засыпали») – от существительного *сон, засыпали* («их землей засыпали») –

от глагола *сыпать*). Поэт словно бы намеренно сухо и последовательно перечисляет жизненно объективные факты. Субъектные эмоции *от*-лирического героя растворены, приглушены, приглашены. Этноцентризм насыщается качествами полицентризма, формируется двойственный код восприятия. Поэт не смотрит на судьбу народа «со стороны», но в его объективированном взгляде угадывается осознание сходства/родства с судьбами других и многих народов. Специфическое и субъективное – точно обозначенное – остается между строк, тогда как объективное и общее занимает передний план. Смысловая перспектива расширяется: история немногочисленного, рассеянного по миру народа разрастается до космических пределов, до осознания единого финала конкретной и *любой* человеческой жизни-смерти как «распада материи» (Бродский, 1998, с. 20).

Евангелические и патриотические мотивы в «Еврейском кладбище...»

К. С. Соколов (2014) обратил особое внимание на строки:

Никогда не сеяли хлеба.
Просто сами ложились
в холодную землю, как зерна (Бродский, 1998, с. 20), -

и счел, что в них «речь идет о евангельской притче». Нельзя не согласиться с допустимостью библейского фона и возможной апелляции к «Притче о сеятеле», в которой, как известно, рассказывается о семенах, брошенных в разную почву и давших различные всходы или не давших их (Мтф. 13: 3-23; Мрк. 4: 3-20; Лк. 8: 5-15). Между тем у Бродского подобный ракурс едва ли актуализируется, скорее он субъективно ассоциативен.

Однако в приведенных строках отчетливо, на наш взгляд, вырисовывается другая параллель: аллюзия к стихотворению А. Ахматовой «Родная земля»:

Да, для нас это грязь на калосах,
Да, для нас это хруст на зубах.
И мы мелем, и месим, и крошим
Тот ни в чем не замешанный прах.
Но ложимся в нее и становимся ею,
Оттого и зовем так свободно – *своею* (1999, с. 120).

Подобно Ахматовой, Бродский воссоздает процесс растворения («распада материи»), потому и для его героев земля, принявшая их, становится *своею* – они ее органичная часть.

Кажется, можно констатировать еще один претекст – ахматовский, на который мог ориентироваться Бродский. Позиции поэтов (-ленинградцев) видимо близки. Между тем стихотворение «Еврейское кладбище...» написано в 1958 году, тогда как «Родная земля» – в 1961-м. И это обстоятельство особенно примечательно – еще до знакомства с А. А. Ахматовой, до осознания ее величия как поэта и человека, которое пришло к нему не сразу, Бродский (ранний? *детский*?) мыслил философски зрело, поэтически точно и гуманистически наднационально. Причем поэт выходил на подобные обобщения и универсалии не в опоре или в отталкивании от знакомых ему (пре)текстов, а в обращении к духовному и психологическому – собственному – внутреннему миру и опыту, можно утверждать – к неординарности и глубине *его* личности, *его* поэтической мысли.

Заключение

Таким образом, подводя итоги, можно сказать, что «арифметически» небольшое и одно из самых ранних по времени создания стихотворение «Еврейское кладбище около Ленинграда...» по всем признакам тяготеет к «большим стихотворениям» И. Бродского, к особому идиожанру поэта, уникальному и неповторимому (или неповторенному). И если «Еврейское кладбище...» не является «большим» по объему, то по глубине мысли оно явно примыкает к «длинным» стихам, отмеченным тенденцией к повествовательности (прозаизации и стилевой объективности и нейтральности), к ритмико-строфической неустойчивости (акцентный стих, разноstopные строки, разновеликие строфы), к подвижности и одновременно устойчивой замкнутости композиции (разнострочные строфы опоясаны рамкой – первые и последние строчки формируют композиционное кольцо), к философичности проблемно-тематического поля (визуализация времени через идеологему *кладбище*, тематика судьбы, смерти, истории народа и др.).

Традиция и литературный опыт подсказывают, что для 18-летнего поэта обязательны кумиры и допустима ученическая подражательность – однако в случае с Бродским, вероятно, следует ослабить активность поиска литературного контекста, претекста, интертекста. Бродский, несомненно, учитывал поэтическое наследие предшественников, но был настолько одарен и самобытен, что в его случае представляется более продуктивным констатировать *сходство* его собственной поэтической системы (конвергенцию) с теми или иными литературными предшественниками, но не производить его уникальность (в том числе и его ранних поэтических произведений) от следования Слуцкому, Ахматовой, Дж. Донну, Одну, Фросту или др. В случае с Бродским выявление текста-референта, как правило, позволяет только ярче обозначить и уловить аспекттивный, интонационный, смысловой – интертекстуальный – диссонанс. Иосиф Бродский и в самых ранних своих стихах самобытно гениален.

Перспективы дальнейшего исследования мы видим в более детальном изучении как самого текста малоизученного стихотворения Бродского, так и в акцентуации важных слагаемых его поэтологии, в том числе в обращении к вопросу жанровой интерференции, совмещения дискурсов лирического и эпического, реального и универсального. Обращение к разнообразным ракурсам стихотворения «Еврейское кладбище около Ленинграда...» позволит расширить представление о творческой одаренности талантливого поэта, нобелевского лауреата Иосифа Бродского.

Финансирование | Funding

RU Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда № 22-28-01671, <https://rscf.ru/project/22-28-01671/>; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского.

EN The reported study was funded by the Russian Science Foundation, grant No. 22-28-01671, <https://rscf.ru/project/22-28-01671/>; F. M. Dostoevsky Russian Christian Humanitarian Academy.

Источники | References

1. Азаренков А. А. Поэтика композиции «больших стихотворений» Иосифа Бродского: автореф. дисс. ... к. филол. н. Смоленск, 2017.
2. Бар-Селла З. Страх и трепет // Двадцать два. 1985. № 41.
3. Богданова О. В., Баранова Т. Н. Идиожанр Иосифа Бродского («большие стихотворения») // Вестник Череповецкого государственного университета. 2023. № 2.
4. Богданова О. В., Власова Е. А. Поэтические миры Иосифа Бродского. СПб.: Алетея, 2022.
5. Гордин Я. Рыцарь и смерть, или Жизнь как замысел: о судьбе Иосифа Бродского. М.: Время, 2010.
6. Горелик П. З. По течению и против течения... Б. Слуцкий: жизнь и творчество. М.: НЛЮ, 2009.
7. Куллэ В. Поэтическая эволюция Иосифа Бродского в России (1957-1972): дисс. ... к. филол. н. М., 1996.
8. Лосев Л. Иосиф Бродский: опыт литературной биографии. М.: Молодая гвардия, 2008.
9. Плеханова И. И. Преображение трагического: метафизическая мистерия Иосифа Бродского: дисс. ... д. филол. н. Иркутск, 2002.
10. Полухина В. Иосиф Бродский. Жизнь, труды, эпоха. СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2008.
11. Соколов К. С. Почему «Еврейское кладбище» не стало «Большой элегией». 2014. URL: <https://ik-ptz.ru/physics/brodskii-evreiskoe-kladbishche-analiz-stihotvoreniya-evreiskoe.html>
12. Степанов А. Г. Что слышит поэт? Бродский и поэтика переключек. М.: ЯСК, 2022.
13. Топоров В. Н. Петербургский текст русской литературы. Избранные труды / ред. Н. Г. Николаюк. СПб.: Искусство-СПб, 2003.
14. Федотов О. И. Стихотворения Иосифа Бродского. М.: Direct-Media, 2022.
15. Чевтаев А. А. Повествовательные стратегии в поэтическом творчестве Иосифа Бродского: автореф. дисс. ... к. филол. н. СПб., 2006.
16. Könönen M. "For Ways of Writing the City": St. Petersburg – Leningrad as a Metaphor in the Poetry of Joseph Brodsky. Helsinki, 2003.

Информация об авторах | Author information

RU Богданова Ольга Владимировна¹, д. филол. н., проф.
 Баранова Татьяна Николаевна²
^{1,2} Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена;
 Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского, г. Санкт-Петербург

EN Bogdanova Olga Vladimirovna¹, Dr
 Baranova Tatiana Nikolaevna²
^{1,2} A. I. Herzen Russian State Pedagogical University;
 F. M. Dostoevsky Russian Christian Humanitarian Academy, St. Petersburg

¹ olgabogdanova03@mail.ru, ²

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 01.05.2023; опубликовано (published): 15.06.2023.

Ключевые слова (keywords): И. Бродский; стихотворение «Еврейское кладбище около Ленинграда...»; интертекст; национальное и универсальное; мотивы смерти, бессмертия, времени; J. Brodsky; poem "The Jewish cemetery near Leningrad..."; intertext; national and universal; motifs of death, immortality, time.